

ЭНЕРГЕТИКА ТЕКСТА

В современной лингвистике используется немало терминов точных наук: *симметрия*, *вектор*, *валентность* и мн. др. Часть подобных терминов восходит к физике (*поле*, *ядро*, *динамика*, *статика*), но среди них нет ключевого понятия, связывающего по представлениям этой науки все явления природы, – нет термина *энергия*. Об отсутствии лингвистических терминов *энергия* и *энергетика* единодушно свидетельствуют словари лингвистических терминов и лингвистические энциклопедии. Нет ли здесь не только терминологической, но и теоретической лакуны?

Оговоримся: история языкознания термин *энергия* знает. В известной дихотомии В. фон Гумбольдта *ergon* – *energeia* последнее обозначает языковой процесс (< греч. *energeia* – действие, деятельность), в отличие от языка как оконченного, свершенного дела. В качестве лингвистического историзма термин *энергия*, *энергея* и входит в научную и справочную литературу¹. Дихотомия Гумбольдта в дальнейшем была оттеснена концепцией Ф. де Соссюра, различавшего *langue*, *parole* и *langage* (*язык*, *речь* и *речевую деятельность*), а позднее укреплением термина *речевая деятельность*. Термин *энергия* ушел в историю лингвистики. В то же время *энергия* как общезыковое слово и научная метафора, а также все словообразовательное гнездо на основе данного слова активно используются при характеристике речи и текста и не менее активно – для прямой характеристики человека и его действий. Возможно, именно общезыковая жизнь слова *энергия* мешает отождествлению понятий «энергия» и «действие, деятельность»: лексическое значение слова *энергия* содержит качественный компонент.

В физике данное понятие связывают с категорией меры явления, а именно с общей количественной мерой различных форм движения материи. При этом сама энергия количественно измерима и пропорциональна мере движения². Применительно к отдельному явлению мера – сложное образование: «Конкретной вещи присуще множество качественных признаков разного порядка, поэтому мера складывается из совокупности мер этих признаков»³.

В лингвистике категория меры явления вовлечена в концептуальные построения, достаточно сказать, что именно количественные и качественные различия положены в основание классификации стилистических значений Ш. Балли, и он же предупреждал о том, что простое количественное различие объектов восприятия или мысли не имеет отношения к стилистике⁴. Идеи Ш. Балли получили свое дальнейшее развитие, причем параметр меры в его количественной (сема интенсивности, чрезмерности) и качественной (сема эмоциональной и др. субъективной оценочности) разновидностях трактовался субстанционально: в аспекте природы, содержания и функции количественно-качественного компонента языковой единицы. В настоящее время в исследованиях по экспрессивности языковых знаков⁵, как правило, выделяют семы эмоциональной (шире – субъективной оценки) и семы интенсивности. Соотнеся данную классификацию с областью меры явления, получаем выделение качественных и количественных параметров меры.

Однако собственно движение как направленное изменение, базисный компонент энергии, который и характеризуется мерой, остается вне поля зрения исследователя, за исключением группы экспрессивных глаголов движения. Впрочем, и они попадают в план изучения не за счет базовой семы движения, а за счет количественных и качественных приращений к ней.

¹ См. например: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 123–124.

² См.: Лойфман И.Я. Категория меры и познание природы. Свердловск, 1965.

³ См.: Он же. Принципы физики и философские категории. Свердловск, 1973. С. 115.

⁴ Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. С. 203.

⁵ Особенно хорошо исследована лексическая экспрессивность – см., например: Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986; Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Аналитические потери такого подхода очень велики. При всей полноте описания субъективно-характеризующей семантики языковых и речевых фактов проблема экспрессивности в языке, речи и тексте до сих пор не имеет целостной концептуальной опоры, а экспрессивность, как и раньше, преимущественно приравнивается к эмоциональной оценочности (эмотивности). Кроме того, лингвистическая экспрессиология буквально увязла в бесконечных выяснениях соотношения понятий экспрессивности, субъективной модальности и эмоциональности (эмотивности).

Между тем, исходя из основных положений о тексте (а мы общаемся именно посредством текстов), он создается на основе авторского целеполагания. Исходный импульс создания текста – цель автора, собственно текст – это воплощение речью движения к цели, направляемое авторской волей.

В семантических и стилистических исследованиях очень мало анализируется эта важнейшая категория, связанная с мотивировкой речевой деятельности и ее качеством, – категория воли (по Выготскому, мысль имеет аффективно-волевою подоплеку). Семантика воли и волеизъявления по определению связана с интенсивностью и движением к цели. По данным энциклопедического словаря, воля – это «способность к выбору деятельности и внутренним усилиям (курсив мой. – Т.М.), необходимым для ее осуществления»⁶. Вспомним также показания речевой практики – стандартные словосочетания *сила воли*, *сильная воля*, *волевое усилие* и т.п. Воля не сводима ни к эмоциональному или рациональному видам деятельности в отдельности, ни даже к сознанию и деятельности в целом. «Осуществляя волевое действие, человек противостоит власти непосредственно испытываемых потребностей, импульсивных желаний: для волевого акта характерно не переживание “я хочу”, а переживание “надо”, “я должен”, осознание ценностной характеристики цели действия (курсив мой. – Т.М.)»⁷, воля включает в себя *принятие решения*. Категория воли имеет мощную экспликацию на всех уровнях языковой системы, в то же время, не будучи вовлечена в семантические классификации и связываемая с категорией экспрессивности, она мало изучается применительно к тексту.

Целевая обусловленность как смысловой стержень текста определяет значимость категории движения во всех ее проявлениях (цель предполагает движение к ней). Второй (после сферы воли) сферой аналитических потерь можно считать то, что при количественно-качественной (мерной) характеристике текста не учитывается признак движения в любом количественном выражении. Поскольку именно движение составляет вектор количественных изменений, приводящих при нарастании к изменениям качественным, данный признак должен учитываться как в своем нулевом проявлении (покой), так и на любой градационной отметке, свидетельствующей о проявлении энергии, и уже первая степень проявления признака, отраженная в нейтральной лексике с семой движения (например, *идти*, *бежать*), создает слово-энергему. Конечно, языковой факт, отмеченный наличием компонента интенсивности (например, экспрессивный глагол движения *лететь* как «очень быстро идти, бежать»), будет обладать большей степенью энергии, но это уже количественное различие одноплановых единиц. При динамическом рассмотрении текста могут быть выделены не только крайние состояния текстового поля движения – покой и собственно движение как направленное изменение, но и промежуточное между ними состояние напряженности как количественной подвижки к утрате покоя⁸. Реализация идеи движения может проследиваться в фонетико-интонационной, лексической и грамматической сферах, в ритмике текста, в области текстовых категорий векторного характера (текстовое время) или с составляющими векторного характера (субкатегория векторного пространства).

Ни одна из выделенных и действующих в языкознании семантических универсалий (эмотивность, оценка, интенсивность) и даже понятия «воля» и «движение» не способны выступить как объединяющее их все, не обнимают их все. Из этого следует необходимость

⁶ Советский энциклопедический словарь. М., 1984. С. 244.

⁷ Там же.

⁸ См.: Юдина Т.В. Напряженность и некоторые свойства ее создания // Текст и его компоненты как объект комплексного анализа. Л., 1986. С.53.

понятия более сложного состава и более высокого ранга абстракции. Термины *экспрессия*, *экспрессивность*, как следует из сказанного выше, также непригодны для этой роли. А вот традиционный термин физики и одновременно реальное употребительное слово общего языка *энергия* соединяет в себе все названные смыслы: указание на чувство и на силу, на волю как осуществляемый автором сознательный выбор и движение к цели, а стало быть, и на ценностный подход к действию (у В.И.Даля энергия определяется как «постоянство, твердость, стойкость, выдержка, неутомчивость, яростливость»⁹). Более того, реально даже наличие смысла «вера», также содержащего в себе компонент целенаправленности: *вера* – это «твердая убежденность в исполнении чего-либо». Поддержкой служит интуиция Л.Н.Толстого. В письме Н.Н.Страхову он писал: «... все как будто готово для того, чтобы писать – исполнять свою земную обязанность, а недостает *толчка веры* (здесь и далее в цитате курсив мой. – Т.М.) в себя, недостает *энергии заблуждения*; земной *стихийной энергии*, которую выдумать нельзя»¹⁰.

В коммуникативном плане *энергия* прямо пропорционально связана с воздействием на адресата: целенаправленное усилие адресанта речи оказывает сопоставимое по мере влияние на адресата. В плане разграничения психолингвистического и собственно лингвистического аспектов явления следует, вероятно, различать *энергию* как психолингвистическую категорию (авторская энергия, энергия авторской воли, энергия личности) и энергетику как текстовую категорию: авторскую энергию, воплощенную в речевой материи текста. Именно второй термин и предстает синтезирующей единицей, вбирающей в себя распространенный термин *экспрессивность* и способной полнее и объективнее служить для характеристики воздействующих качеств слова (или иного отдельно взятого языкового средства), высказывания, целого текста.

Попробуем продемонстрировать высказанные положения в эскизном наблюдении над энергетикой отдельных текстов, стараясь возможно более полно выявить и учесть энергемы – языковые, речевые, собственно текстовые единицы речевого целого, наделенные тем или иным компонентом энергии или их совокупностью.

Материалом для наблюдений служит политический дискурс. Отобраны тексты двух политиков, один из которых по интуитивным общим впечатлениям явно недобирал очки за счет слабой энергии своих выступлений, другой же всегда имел дополнительные дивиденды от слушателей именно за счет яркой энергетике текста. Это Е.Т. Гайдар и В.В. Жириновский¹¹. Сравнение ведется на текстах одного и того же жанра, более того, избрана однотипная ситуация: выступление на съезде политической партии в роли ее лидера. Область сравнения – категория воли и категория движения, динамики – с неизбежностью раскрывается фрагментарно, по самым явным смысловым линиям.

В сфере категории воли прослеживается, во-первых, реализация *меры категоричности* автора, его *уверенности* в говоримом (обратим внимание на эту связь: *у-вер-енность* < *ве-ра*). С названным качеством связываем также идею *долженствования* на фоне всего поля субъективной модальности (модальность *долженствования* в наибольшей степени отражает направленность на мыслимую автором цель); во-вторых, соотношение *активных и пассивных грамматических конструкций*: (в пассивных конструкциях человек действующий элиминируется, его воля в осуществлении некоего действия не имеет значения, в активных конструкциях субъектная значимость всегда сохраняется, а в некоторых случаях подчеркивается).

В области категории движения (динамики) наблюдаются следующие проявления: во-первых, *глагольность* текста (учитывается количество глаголов движения, особенно однонаправленного, а также грамматические показатели всех использованных глаголов: совершенный вид с его финальностью и другими ограничителями процессуальной семантики активнее несовершенного с его неограниченной процессуальностью, личные формы глагола

⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 4. С. 664.

¹⁰ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 17/18. М., 1984. С. 836.

¹¹ См.: Гайдар Е.Т. Выбор, который мы предлагаем России: Речь на Учредительном съезде партии «Демократический выбор России» 12 июня 1994 г.; Жириновский В.В. Доверие нужно оправдывать: Выступление на съезде ЛДПР 10 января 1996 г.

динамичнее «костановленных» причастных и деепричастных форм); во-вторых, *выстраивание смысловых рядов*, что способно создать эффекты перспективы, сравнения смыслов, совокупного впечатления, т.е. определенного динамического восприятия текстового фрагмента.

Разумеется, энергетика текста во многом базируется и на традиционно изучаемых в стилистике средствах воздействия: эмоционально-оценочной лексике, конструкциях экспрессивного синтаксиса, интонационных и лексико-семантических усилителях, тропах. Считая эти факты несомненным свидетельством авторской энергии, специально мы их здесь не рассматриваем.

Что же показывает обработка текстов по предложенной выше программе?

В речи Е. Гайдара продемонстрирована достаточная степень общей уверенности, которая выражается в большом количестве фраз спокойного утверждения, слегка подчеркнутого личностно-волевыми проявлениями (*не буду ее пересказывать; не стану говорить о...; еще раз подчеркиваю*). Применяются прямые утверждения и отрицания (*не мы сокрушили коммунизм. Да, нам удалось...*), иногда проведенные через усилительный повтор (**Нет, нельзя!**; **Нет стабильного традиционного правопорядка... Нет устойчивых социальных структур... Нет привычки к... Нет всего, что...; Не бывает и не было...**). Повтор-усиление используется и помимо утверждений/отрицаний (*...верим в свою страну, верим в ее потенциал, верим в то, что...*). Используются также прямые сигналы категоричности – крайней позиции на шкале уверенности (*мы категорически против; мы всегда будем настаивать, можно абсолютно твердо и однозначно сказать; Конечно, России...*).

На этом фоне сигналы долженствования и побудительные конструкции выглядят абсолютно органично. Они дозированно располагаются в тексте, создавая «долженствовательный пунктир»: *необходима серьезная реформа; Это не нужно никому; Давайте не позволим...; здесь мы должны быть самокритичны; нам нужен; Надо видеть и другое*. Иногда используется повтор модальной единицы (*нужна помощь в становлении ... банков. Нужна помощь в экспорте... Короче говоря, нужна...*). Сигналов предположительности, неуверенности (*начну, пожалуй*) в тексте очень мало.

Таким образом, лексико-семантическое обеспечение энергии воздействия, поддержанное за счет хорошего владения техникой фигур речи, налицо.

Теперь о грамматической категории активности. Естественно, что в тексте используется значительное количество активно-залоговых конструкций. Иногда на основе таких конструкций осуществляется прием персонификации (*Россия продемонстрировала миру; История дала однозначный ответ*). И все же заметна склонность автора к использованию пассивных конструкций, широкому применению соответствующих залоговых форм глагола, возвратных глаголов и особенно кратких страдательных причастий: *программа выработывалась... обсуждалась, корректировалась; она вам роздана; сюжет русской истории вращался и т.п.* Число таких единиц в тексте исчисляется десятками. Распространены обезличенные формы утверждения и отрицания: *о чем приходилось говорить; когда все-таки удалось; к началу XX века оказалось... средств, которые забирают у тех, которые... и перераспределяют*.

Видовые глагольные соответствия представлены в тексте относительно равномерно, с незначительным перевесом несовершенного вида. Так, на первые пять абзацев текста приходится 17 глаголов несовершенного и 12 глаголов совершенного вида (учитывалась только позиция сказуемого).

В силу названных причин «глагольность», т.е. активная процессуальность, динамичность излагаемого ослаблена. Кроме того, лексико-семантический анализ показывает, что в числе использованных глаголов преобладает, если можно так выразиться, лексика научного обихода: глаголы мыслительной и речевой деятельности, а также семантически опущенные связочные слова (*обусловить, казаться, связывать, обладать, показать, соответствовать и т.д.*). Названные лексические группы составляют основную часть глагольного поля текста, и отдельные метафорические употребления и разговорные инкрустации (*сельхозпроизводители так и будут ходить с протянутой рукой за государством: «Подайте сезонные кредиты!»*) почти ничего не меняют в общей картине абстрактно-статичной книжности Реальных слов с семьей движения (физического) в тексте нет, с этой семьей в составе

образных выражений – мало (*трагическая мировая война, экстремизм перечеркнули надежду; беспрецедентное ускорение, это уход от ответа; спокойный путь; есть еще время сойти с этого поезда, отойти в сторону*), причем уже приведенные примеры показывают степень «стертости», стандартности применяемых метафор.

Смысловые связи слов, помимо затронутых выше стилистических фигур, проиллюстрируем только на материале фразового ритма. Безусловно, энергетика текста особенно сильна, если автор организует в нем «разность потенциалов», и это в полной мере относится к ритмическому рисунку речи. Один из приемов усиленного воздействия – это ритмический контраст. Короткая фраза, особенно в сильной конечной позиции фрагмента, части или целого текста, контрастирующая с предшествующим многословным отрезком речи (синтагмой, предложением, текстовым фрагментом), выделяется как особо значимая.

Вот количественные данные по первым десяти смысловым фрагментам (в письменном переложении – абзацам) речи Е.Гайдара: 33 – 30 – 21 – 16 – 11 – 45 – 12 – 6 – 13 – 23 (указано число слов в заключительных фразах). В среднем заключительная фраза смыслового единства у данного автора равна 21 слову. При этом лишь один финал фрагмента построен по-настоящему выразительно: и без того короткая фраза делится на две синтагмы и содержит удвоенное отрицание (знак категорической уверенности): *История дала однозначный ответ: нет, нельзя*. В большинстве же случаев финальную фразу лаконичной не назовешь, половина таких фраз длиной больше двадцати слов, т.е. в три и более раз превышает объем оперативной памяти при восприятии устной речи, приблизительно равный 7 словам.

Таким образом, хорошее лексическое обеспечение энергетике данного текста, владение техникой стилистических фигур и тропов в значительной степени гасится статичностью и вялостью грамматического и ритмического обеспечения авторской энергии.

Перейдем к тексту выступления В. Жириновского, сопоставляя его с ранее рассмотренным текстом по тем же параметрам.

С первых же фраз текста интуитивно ощущаешь, что речь лидера ЛДПР строится в энергичных тонах категоричной уверенности. Текстуальное рассмотрение материала показывает, что прямых сигналов категоричности в начальной части выступления нет. Эффект подчеркнутой уверенности создается исключительно за счет грамматики и ритмики. Повествовательный строй изложения, короткая фраза и, может быть, самое важное – представление действий через совершенный вид глагола – вот основной набор использованных средств. Первые 5 абзацев в позиции сказуемого содержат 38 глаголов совершенного вида и только 9 – несовершенного. Даже без лексических и лексико-синтаксических средств воздействия названные средства вкпе с активным залогом глагола хорошо передают несомненную уверенность автора во всех своих утверждениях:

Возникнув 13 декабря 1989 года, ЛДПР 31 марта первая провела легальный съезд. И вот уже седьмой съезд нашей партии.

ЛДПР – единственная партия, которая приняла участие в трех избирательных кампаниях. На выборах Президента России в июне 1999 года я занял третье место, ничего не имея.

В дальнейшем, когда появляются прямые сигналы категоричности и модальности долженствования, это впечатление еще усиливается, тем более, что такие сигналы, как правило, сочетаются с различными другими средствами воздействия. Вот, например, категорическое отрицание на базе различных типов повтора: ... *ибо обмануть можно кучку граждан, можно одну воинскую часть, один трудовой коллектив, однако обмануть 107 миллионов избирателей невозможно* (градация и антитеза); *нынешний вариант развития вызывает возмущение не только у старших поколений, но и у более молодых* (антитеза); *слава богу, они уходят. Уходят те, чьей отставки требует ЛДПР* (контактный лексический повтор). На основе техники риторических фигур (чаще других встречаются градация, антитеза и асиндетон), тропов, а также разговорного лексикона и строя речи автор добивается большой воздействующей силы высказывания. Существенно, что в тексте постоянно обеспечивается «многослойность» выразительности: восходящие градации строятся на разговорной лекси-

ке, тропы – на лексике с интенсивным компонентом значения (*с треском провалились, протащили, ничтожную пенсию, возмущение, протест*), и все это заключено в динамичные ритмические структуры. Уверенность оратора приобретает за счет этого явственную личностно-эмоциональную окраску. Характерно, что это полная, всеобъемлющая уверенность: ни одного речевого сигнала предположительности, сомнения, неполной достоверности на всем протяжении текста.

Ритмика фрагмента у В. Жириновского иная, нежели у Е. Гайдара. Обсчет конечных фраз десяти начальных абзацев текста дает иные цифры. Приведем их по обоим текстам.

Текст Е.Гайдара: 33 – 30 – 21 – 16 – 11 – 45 – 12 – 6 – 13 – 23

Текст В.Жириновского: 7 – 17 – 9 – 5 – 19 – 27 – 26 – 16 – 11 – 3

Средний размер заключительной фразы смыслового фрагмента у В. Жириновского 14 слов (у Е. Гайдара 21), причем половина из них короче среднего размера нормальной устной синтагмы, иногда существенно, см. такие концовки: *Эта партия канула в Лету; Третьего не дано.*

Интересна работа с числительными. Они, как правило, даются парами или более крупными группами (*она провалилась на выборах 1993-го и окончательно умерла на последних выборах 17 декабря 1995 года; Затем последовал очередной переворот – Октябрьская революция, третья за 12 лет этого столетия, В 18-м году развязали гражданскую войну. И к 24-му году ... потеряли 25 миллионов граждан России*), используются в композиционной функции, обозначая начало смысловых фрагментов. Все это создает дополнительные нити натяжения в тексте.

Естествен для данного ратора и упор на активные конструкции, в том числе с собственным именем и личным местоимением в позиции подлежащего: *половину ее забрал Говорухин; вторую половину этого гнилья забрал Глазьев, увел в КРО; Генерал Корнилов... повел войска; Я занял третье место; Мы даем еще один совет Президенту страны.* Энергия фразы подчеркивается семой активного движения, а также «бытовизмом» глаголов конкретного значения (*забрал, увел, протащили* и под.). Относительно редкое использование страдательного залога тематически связано не с ЛДПР, а с ее политическими противниками или общим положением вещей: *остальные были замазаны в крови; сегодня в Государственной Думе представлены 4 направления.* Активность подчеркивается также целыми блоками побудительных структур и прямых обращений к адресату: *...я обращаюсь к Президенту. Борис Николаевич, очистите свои авгиевы конюшни ... Укрепите силовых министров и покончите с войной на Кавказе. Если вы, Президент России, через месяц не уничтожите всех боевиков, если вы не дадите приказ... то вы, Борис Николаевич, проигрываете выборы 16 июня.*

Проведенное сравнение двух текстов не носило всеобъемлющего характера и не предполагало общеоценочного вывода. По интеллектуальной глубине и аргументированности основных положений, по общекультурной эрудиции, по технике владения специальными средствами выразительности они вполне сопоставимы, а может быть, логически влиятельнее текст Е. Гайдара. Однако они очень различаются по своей энергетике. Нельзя не заметить, что подчеркнутая демонстрация воли и динамизма во втором тексте очень эффективны, они, если можно так выразиться, мгновенно доходчивы, тогда как на логический анализ при устном восприятии у слушателя просто не хватает времени. В «мускулистой» и целеустремленной речи В. Жириновского демонстрируется не только лексическое обеспечение энергетике и целенаправленный отбор риторических фигур. Энергией заряжен весь строй текста, динамизмом и силой насыщены интонационные, ритмические, грамматические страты текста, и общая совокупность всех энергем, вероятно, не просто суммируется, но умножается во взаимодействии друг с другом. Однако разговор о синергии текста еще впереди. В области выявления всех типов энергем анализируемого текста и характера их представления и сочетания на текстовом пространстве, вероятно, нас ждет еще много нового.